

Мягкость — пожалуй, самое главное достоинство Ван Сяюй. От ладоней до груди — всё в ней было мягким. Именно эта податливость давала Ли Цзюню все основания полагать, что Ван Сяюй непременно оценит его искренность.

Ван Сяюй снова с изумлением уставилась на стоящего перед ней мужчину. Сердце колотилось, а щеки пылали алым.

Ну надо же, решил поприставать к бедной женщине! — мысленно возмутилась Чжун Мяо.

— Сяюй, я надеюсь, мы сможем начать всё сначала, — проворковал Ли Цзюнь. Он поднес её пухлую ручку к губам и нежно поцеловал. Его черные глаза, опущенные было вниз, медленно поднялись и впились в расширенные от шока зрачки Ван Сяюй: — Поверь, я всё ещё люблю тебя.

Да кто в это поверит! Я бы в своем кино такие заезженные реплики не написала! Негодяй! — поток негодования Чжун Мяо, наблюдавшей за этим из-за закрытой двери, был подобен разливу великой реки. Она не выдержала. Но тут же её мысли сменились на другие: Оказывается, она была глубоко ранена, неудивительно, что такая переменчивая. Бедняжка!

Волосы Ван Сяюй были распущены, на ней была измятая ночная сорочка. Когда Ли Цзюнь так пристально уставился на её лицо, она вдруг словно очнулась и вскрикнула:

— Не надо, не смотри на меня!

Выкрикнув это, она с силой выдернула свою пухлую руку, мотнула головой и, виляя бедрами, скрылась в квартире, с грохотом захлопнув дверь.

— Сяюй, я искренен с тобой! — кричал вслед Ли Цзюнь.

— Твоя искренность псу под хвост годится! — Чжун Мяо, потирая подбородок, презрительно фыркнула.

Ван Сяюй влетела в спальню и распахнула шкаф. Вещи посыпались на пол, но ей было не до того. Ей нужно было немедленно найти самое приличное платье, надеться в него, грациозно выйти к Ли Цзюню, снова протянуть ему левую руку, чтобы он как следует её поцеловал, а когда он решит, что разбитая чашка склеена, — со всей силы пнуть его под зад.

В идеале — отправить этого мерзавца пинком прямо в Тихий океан.

Вот только океан слишком далеко, а грязных вещей у Ван Сяюй слишком много.

Ли Цзюнь, теряя терпение, принялся барабанить в дверь.

— Сяюй, открой, выслушай меня...

— Сяюй, я правда искренен!

— Сяюй, я больше никогда не посмотрю ни на кого другого!

— Сяюй, дай мне шанс!

Скрип.

Дверь 501-й квартиры не шелохнулась, зато открылась дверь 503-й.

— Ты что, на похоронах завываешь? — Чжун Мяо ткнула Ли Цзюня указательным пальцем в плечо.

— Ты... — Ли Цзюнь обернулся, собираясь вспылить, но, присмотревшись, расплылся в улыбке:
— Режиссер Чжун?

— О, ты меня знаешь? — Чжун Мяо тоже улыбнулась. Не ожидала, что этот подлец окажется её фанатом.

— Я Ли Цзюнь из Гуанмао, работаю у госпожи Яо, — Ли Цзюнь согнулся в полупоклоне, представляясь.

Чжун Мяо потеряла подбородок, делая вид, что вспоминает. На самом деле она ничего не помнила. Кого только не было рядом с Яо Муцзинь? Будучи именитым режиссером, она не могла запомнить всех, достаточно было помнить саму Яо Муцзинь. Хотя внутри она была совершенно равнодушна, слова её прозвучали иначе:

— О, это ты, Сяо Ли! Редко увидишь тебя таким свободным. Неужели решил больше не стоять в очереди за госпожой Яо и взяться за ум?

Когда Ли Цзюнь услышал имя Яо Муцзинь, на его лице отразилось замешательство, которое не укрылось от глаз Чжун Мяо.

— Ну, Сяюй вообще-то моя девушка, — Ли Цзюнь бесстыдно присвоил Ван Сяюй статус.

— О, разве не бывшая? — Чжун Мяо приподняла уголок рта, потирая подбородок.

— Это было недоразумение, просто недоразумение, — Ли Цзюнь продолжал натянуто улыбаться, будто говорил правду.

Чжун Мяо не стала спорить. Раз Ли Цзюнь говорит, что недоразумение — пусть будет недоразумение. Её не интересовало само недоразумение, её волновало отношение Ван Сяюй. Как раненая женщина, Ван Сяюй могла вести себя странно, и это было вполне понятно и вызывало сочувствие. Поэтому, когда Ли Цзюнь самодовольно улыбнулся, остатки гнева Чжун Мяо на Ван Сяюй мгновенно испарились. Гнев ушел, а сочувствия стало больше.

Пока Ван Сяюй пряталась за дверью, Чжун Мяо, прислонившись к стене, вдруг подумала, что в её рассказ о проститутке не помешало бы добавить персонажа-мерзавца.

— Сяюй, ты наконец открыла! — Ли Цзюнь в порыве чувств крепко обнял Ван Сяюй за талию.

Ван Сяюй переделась в розовое платье на бретельках, довольно вызывающее, которое открывало её гладкие округлые плечи и нежные, как корень лотоса, руки, подчеркивая её пухлую, соблазнительную фигуру.

Как только дверь 501-й распахнулась, глаза Чжун Мяо блеснули.

В комнате охраны жилого комплекса:

— Ух, какая девчонка аппетитная! — зашумели охранники.

А рука Ли Цзюня, скользившая по нежной талии Ван Сяюй, вызвала раздражение не только у охраны, но и у Чжун Мяо. Разве может такой мерзавец касаться такой нежной талии? Действуя инстинктивно, как при виде несправедливости, Чжун Мяо крикнула:

— Эй! Средь бела дня, куда руки тянешь?!

Ли Цзюнь вздрогнул, и Ван Сяюй удалось вырваться.

— Черт, эта рыжая тоже здесь! — первым делом подумала Ван Сяюй, освободившись.

Это был неловкий момент: Ли Цзюнь появился как раз тогда, когда ушла Вэнь Шань.

Чжун Мяо насмешливо смотрела на Ван Сяюй, скрестив руки на груди, словно предвкушая интересное зрелище. Ван Сяюй покраснела, отвела взгляд от красных волос Чжун Мяо и уставилась на Ли Цзюня.

— Сяюй, ты такая красивая, — поспешно проговорил Ли Цзюнь, осыпая её комплиментами.

Красивая, как же! — подумала Ван Сяюй, а вслух произнесла: — Правда? Красивая?

— Очень красивая! — Ли Цзюнь энергично закивал.

— Красивее, чем Яо Муцзинь? — вдруг вставила Чжун Мяо.

Лицо Ли Цзюня сначала покраснело, а потом стало белым как мел:

— Режиссер Чжун, вы шутите.

Глаза Ван Сяоюй внезапно вспыхнули. Она с силой оттолкнула Ли Цзюня и, сделав два шага к Чжун Мяо, с каменным лицом спросила:

— Кто такая Яо Муцзинь?

Имя было ей незнакомо, но факт наличия у Ли Цзюня любовницы — вполне привычен. Если об этом знают даже в 503-й, не могла же она, Ван Сяоюй, оставаться в неведении. В этот момент Ван Сяоюй охватила ярость.

— Тц, ты что, до сих пор не знаешь? — Чжун Мяо снова усмехнулась.

— Сяоюй, послушай, не выдумывай лишнего! — Ли Цзюнь бросился следом за ней: — Госпожа Яо — руководитель нашей компании, она не какая-то там разлучница. Видишь, я пришел извиниться, разве мы не можем начать всё сначала?

— Да пошел ты к черту со своим сначала! — Ван Сяоюй тяжело дышала от гнева. Она схватила Чжун Мяо за руку, в её глазах разгорались огоньки, и она снова спросила, глотая слова: — Кто такая Яо Муцзинь? Что ты об этом знаешь?

Ситуация мгновенно вышла из-под контроля.

Ли Цзюнь оглянулся на лифт и, словно смазав пятки маслом, тут же исчез.

— Не на меня, я ничего не знаю! — Чжун Мяо сглотнула, прижавшись спиной к стене. Её взгляд был прикован к Ван Сяоюй, она не смела поднять или опустить глаза, впившись взглядом в область ниже шеи. Она хотела объяснить, что хотела помочь, но, скосив глаза, обнаружила, что виновник торжества сбежал!

Ван Сяоюй молчала, приближаясь к Чжун Мяо, в её сердце кипели досада и ненависть.

— Не подходи, а то я за себя не ручаюсь! — Чжун Мяо судорожно вздохнула.

Ван Сяоюй по-прежнему молчала. Она подняла пухлую руку и, не колеблясь, вцепилась в тонкое запястье Чжун Мяо.

Неужели сейчас начнется драка?!

Чжун Мяо с ужасом смотрела на Ван Сяюй, на её пухлые ручки, и ещё с большим ужасом — на две мягкие выпуклости, которые почти касались её груди. Сердце бешено заколотилось:

— Ты... что ты собираешься делать? — Чжун Мяо прикрыла грудь левой рукой, дрожащим голосом спросила она.

Камера видеонаблюдения отлично зафиксировала это выражение лица, и хотя это была лишь картинка, охранники в комнате мониторинга зажглись нешуточным интересом. Всё помещение загудело.

— 501-я перешла в контратаку! — решили охранники.

А Ван Сяюй сама не знала, что делает. Она схватила рыжую за запястье, а Ли Цзюнь сбежал. Она ещё не успела осуществить план с Тихим океаном, как эта неприятная особа всё испортила:

— Черт, ты мне весь план сбила!

— Если ты будешь распускать руки, какой мужик не сбежит? Какой мужик не бросит тебя? — Чжун Мяо смотрела на Ван Сяюй, и её взгляд становился всё более странным. Стало не по себе, и она выпалила правду: — Сбежал — и ладно, не надо из-за этого ставить на себе крест. Женщина должна думать о себе. Посмотри, если принарядишься, ты ведь тоже ничего.

Чжун Мяо не была болтливой, но в этот день глаза Ван Сяюй не давали ей молчать.

Ван Сяюй смотрела на неё так, будто хотела съесть, а в ушах звенели эти неприятные нотации. Она-то хотела лишь разузнать, кто та разлучница, и сравнить: красивее та или она сама. Но ответ Чжун Мяо превзошел все ожидания.

— Я что, обычно выгляжу неприлично? — сквозь зубы спросила Ван Сяюй, надув щеки.

— Ну... — Чжун Мяо замаялась на несколько секунд и неловко улыбнулась: — Мы с тобой не знакомы.

Сказать не знакомы — это ещё мягко, они были почти чужими. Кроме редких встреч, Чжун Мяо толком не разглядела её лица. Сейчас, на таком близком расстоянии, она наконец увидела всё. Помимо отличной фигуры, у Ван Сяюй было прекрасное лицо. Круглые щеки, пухлые розовые губки — одновременно соблазнительные и невинные. Особенно эти огромные, влажные глаза: стоило ими пару раз моргнуть, как у любого дрожали коленки.

Охранники называли Ван Сяюй девушкой, потому что она была похожа на куколку.

— У тебя что, глаза на месте?! — рявкнула Ван Сяоюй с царственным величием.

Образ фарфоровой куколки вмиг разбился от этого крика. Чжун Мяо опомнилась, дернула уголком рта, пытаясь улыбнуться, но не смогла, и мысленно выругала себя: Ну и зачем я в это ввязалась!

— Та, которую ты назвала Яо, она красивее меня? — Ван Сяоюй задрала подбородок.

Чжун Мяо хотела отступить в свою 503-ю, но её запястье было намертво зажато. А на этот вопрос она ответить не могла. Сказать да — неправильно. Сказать нет — тоже. Яо Муцзинь — это Яо Муцзинь, а 501-я — это 501-я, как овощи и фрукты: трудно сказать, что вкуснее. Разумеется, главная причина была в том, что Чжун Мяо не пробовала ни ту, ни другую.

— Я от природы хороша, у тебя что, зрение отшибло? — Ван Сяоюй фыркнула носом.

Сравнив размер груди, Чжун Мяо решила сказать одну из немногих лжей в своей жизни. Не дожидаясь, пока Ван Сяоюй снова фыркнет, она подняла взгляд и твердо ответила:

— Твоя фигура определенно лучше! — при этом она сделала левой рукой жест, будто что-то приподнимает.

Грудь Яо Муцзинь, на глаз, была второго размера. А то, чем обладала Ван Сяоюй, было за гранью понимания Чжун Мяо.

— Разбираешься! — Ван Сяоюй вильнула бедрами, выпятила ягодицы и расплылась в улыбке.

Вся эта серия коротких движений происходила прямо перед глазами Чжун Мяо, и она ещё сильнее вжалась спиной в стену. Она не смела подойти к этой безумной женщине слишком близко, но и не могла отойти, поэтому лишь глубоко вздохнула, втянула живот и позволила Ван Сяоюй колебаться в пределах досягаемости.

— Как тебя зовут? — спросила Чжун Мяо.

— Ван Сяоюй, — без тени смущения ответила та.

— Я Чжун Мяо, — неловко представилась Чжун Мяо.

— Чжун Бяо? — Ван Сяоюй была так погружена в любование собственной красотой, что ей было не до собеседницы.

— Мяо, три воды, — нахмурилась Чжун Мяо и терпеливо объяснила.

— Чжун Саньшуй? — Ван Сяюй наклонила голову и недоуменно захлопала глазами.

— Чжун Мяо! Мяо — это три иероглифа вода! — не выдержала Чжун Мяо.

— Ну Чжун Мяо и Чжун Мяо, чего ты так злишься? Неудивительно, что тебе нужно три воды, даже если тебя назовут Чжун Шуй, это не потушит твой огонь. У тебя печень совсем разбушевалась! — Ван Сяюй недовольно зацокала губами. Она не была безграмотной и прекрасно знала, как пишется это имя. Рыжая есть рыжая, с самой макушки пышет огнем, сразу видно — по жизни воды не хватает.

— Ван Сяюй, отпусти меня, — Чжун Мяо попыталась вырвать запястье.

Мало кто называл Ван Сяюй по полному имени. Сяюй или Сяо Ван — так было куда приятнее и сердечнее. Но Чжун Мяо назвала полное имя, совершенно не церемонясь, будто Ван Сяюй задолжала ей три тысячи юаней.

— От того, что я подержусь, ты умрешь, что ли? — Ван Сяюй отшвырнула её тонкое запястье и надула губы.

Чжун Мяо потерла покрасневшее запястье, чувствуя, что перегнула палку, и хотела было утешить Ван Сяюй. Но, глядя на её капризный вид, на то, как она фыркает и что-то бормочет, вдруг передумала. Для такой женщины время — лучшее лекарство. Чжун Мяо молча дала себе зарок больше не лезть в чужие дела.

— Ты что, не утетишь меня? — первой нарушила молчание Ван Сяюй.

Чжун Мяо опешила, в голове было пусто, она не могла подобрать подходящих слов.

— Я безработная, меня бросили, у тебя вообще есть хоть капля сострадания?! — Ван Сяюй закричала, срываясь на плач.

Чжун Мяо продолжала стоять в ступоре, в голове стало ещё пустотнее. Она никогда не видела такой невезучей женщины, опыта не было.

— Черт, да ты бессердечная! — Ван Сяюй по-настоящему разрыдалась.

В комнате охраны:

— Беда, беда, девчонку обижают! — охранники не выдержали.

Дзынь!

Лифт быстро остановился на пятом этаже.

Охрана во главе с капитаном Чэнем вихрем окружила их.

— Что происходит? Что делает госпожа Чжун? — капитан Чэнь подбежал, перепрыгивая через ступеньки.

Чжун Мяо озадаченно смотрела на охранников, словно свалившихся с неба, её мысли всё ещё были заняты плачем Ван Сяоюй.

— Госпожа Ван, вы в порядке? — участливо спросил охранник.

— Я... — Ван Сяоюй успела произнести только одно слово, как из глаз её хлынули слезы. Вся обида, вся боль, которая должна была выйти наружу, при первом же проявлении участия хлынула потоком. Хотя с момента расставания прошло полгода, безработной она была меньше десяти дней. Старые и новые беды навалились разом, и сердце Ван Сяоюй в этот момент стало таким же мягким и хрупким, как и она сама.

Жалкий плач заразил всех присутствующих.

— Госпожа Чжун, хотя вы и собственница квартиры, нельзя же так обижать людей! — охранник вытер слезы и выдавил из себя эти слова. Ван Сяоюй плакала так горько, что он вспомнил свои тяжелые дни. Глядя на Чжун Мяо, он словно видел того самого владельца магазина, который когда-то обижал его самого.

— Я не... — попыталась оправдаться Чжун Мяо, но её тут же перебили.

— Госпожа Чжун, вам не нужно оправдываться. Ятин — жилой комплекс премиум-класса. От лица службы охраны я прошу вас не беспокоить других жильцов и вести себя прилично, не нарушая спокойную и чистую атмосферу нашего дома, — капитан Чэнь говорил веско и убедительно.

Ван Сяоюй продолжала выть, так искренне и трогательно, будто Чжун Мяо действительно что-то с ней сделала.

Голова Чжун Мяо внезапно прояснилась, в груди вспыхнул огонь и ударил в голову. Ван Сяоюй была права: она действительно вспыльчива, ей по жизни не хватает воды. Но на этот раз гнев был вполне оправдан. Её оклеветали, оклеветали перед столькими охранниками! А Ван Сяоюй только и знала, что плакать, даже слова внятного не скажет.

— Да когда я её обижала?! Вы что, с ума сошли?! — вскричала Чжун Мяо.

— Госпожу Ван до слез довели, нужны ещё доказательства? — усмехнулся капитан Чэнь.

— Ван Сяюй, ну скажи ты им, что я тебя не обижала! — Чжун Мяо потянулась к её руке, но промахнулась: Ван Сяюй, рыдая, отвернулась. Чжун Мяо занервничала ещё сильнее: — Ну скажи же! Чего ты реवेशь? Говори! Быстрее говори!

От окрика Чжун Мяо Ван Сяюй зарыдала ещё сильнее.

— Госпожа Чжун, разве такое поведение не называется травлей? — капитан Чэнь снова оскалился.

Охранники дружно закивали, готовые тут же повесить на Чжун Мяо ярлык тирана.

— Ван Сяюй, тебе правда нечего сказать? — со слезами на глазах спросила Чжун Мяо.

Сердце Ван Сяюй было разбито, ей было не до ответов. Ей нужно было выплакаться по Ли Цзюню, по закрывшейся компании, по бизнесу, который она тренировала несколько дней и где не было ни одного клиента. Она должна была выплакаться, иначе могла не пережить грядущие дни. Её невезение было до мозга костей, может, если выплакаться и смыть неудачу, она исчезнет?

— Человек до слез доведен, не надо спорить! — капитан Чэнь сделал вид, что успокаивает её.

— Да это я, мать вашу, хочу плакать! Есть же какая-то справедливость?! — взревела Чжун Мяо, прорвалась сквозь кольцо охраны, как ветер, ворвалась в 503-ю и с грохотом захлопнула дверь.

Капитан Чэнь и охранники вздрогнули от грохота, а потом снова принялись утешать Ван Сяюй.

В ушах всё ещё стоял плач из-за двери. Чжун Мяо металась по гостинной, сжимая кулаки, мечтая ударить Ван Сяюй по голове, чтобы выбить из неё эту кашу, мешающую говорить по-человечески.

— Ван Сяюй, у нас с тобой ещё не всё закончено!

Эхо несколько раз отозвалось в комнате, глаза Чжун Мяо были красными, как её волосы.

— Не забудьте X-bao, утешение любви! Ждем вас!

Внезапно в голове Чжун Мяо вспыхнула догадка, яркая, как фейерверк.

— X-bao? Утешение любви? — пробормотала она и нажала кнопку включения ноутбука.

— Здравствуйте, ваш заказ доставлен.

— В следующий раз кладите поменьше зеленого лука!

Чжун Мяо заказала еду в ресторане внизу, в том самом, который Ван Сяюй рекомендовала Вэнь Шань. Не факт, что от неё можно умереть, но то, что она невкусная — точно. В этот суматошный день у Чжун Мяо не было времени проверять качество еды. Всё её внимание было приковано к X-bao.

В магазине по ключевым словам «утешение любви» нашлось двенадцать результатов. Пять из них продавали товары для взрослых. Реклама была такой кричащей, что глаза Чжун Мяо едва не вытекли.

Лубриканты? Презервативы? Вибраторы? Чего там только не было!

— Что это за ерунда такая? — закусив губу, спросила она себя. Она не могла вспомнить, то ли это «утешение любви», о котором говорила Ван Сяюй, но это конкретное утешение совсем не утешало.

<http://bllate.org/book/19159/1881288>